

ЛЕГИТИМАЦІЯ ПСИХОЛОГІЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА ТВОРЯЩЕГО

Повод для предлагаемой статьи – знакомство с книгой мексиканского философа Энрике Вильянуэва «Что такое психологические свойства?», в которой с позиции аналитической философии изложено содержание дискуссии современных представителей англо-американского направления метафизики психологии. Автор признаётся, что в объяснении психологических свойств личности он вводит парадоксальные мысли как провокацию, как вызов читателю. Ряд проблем, по его мнению, не имеют решения, и автор выражает озабоченность по поводу их будущего эмпирического изучения.

Использованы материалы статьи «Отклик на событие», в которой два автора – психолог и философ, отмечают неизбежную сменяемость теоретических абстракций и моделей изучаемого объекта в ходе развития теоретической мысли [1: 30-36]. Главное события рассматриваемой ситуации определено в теме статьи равных и другие, не менее важные для индивидов мотивы и свойства нормального вменяемого человека.

Психологические исследования экспериментального уровня до сих пор воспринимались в общественном мире как несовместимые с классическими представлениями об экономической сфере, а также с теоретическим конструктом любой науки об обществе. Нобелевский комитет в нарушение традиции строгого дисциплинарного подхода при назначении премий своим решением 2002 г. выразил принципиальную приемлемость для экономической науки психологических исследований, зафиксировал реальную значимость для экономической практики психологических исследований. В частности, последних экспериментальных разработок с их воплощением лабораторного тестирования альтернативных рыночных схем и механизмов, их воплощение в реальной экономике. Решение Комитета отмечает перспективность использования эксперимента и дальнейших лабораторных исследований такого рода, выражая общественное признание Верноном Смитом тестирований, касающихся преобразований сложившихся экономических структур, альтернативных рыночных схем и механизмов.

Человекомерность экономической науки. По иронии судьбы без малого два с половиной века тому назад в экономической науке звучало имя Смита. Наш современник Верной Смит проведенным им анализом поведения экономических субъектов доказал, что реальные рынки устроены сложнее чем полагал великий английский экономист, а кривые спроса и предложения больше не являются главным объектом изучения экономики. Экономические действия субъектов экономического, финансового и информационного рынка - все без исключения (производитель, продавец, потребитель,

предприниматель, менеджер, инвестор, кредитор и др.) не столь уж далеки от свойств человека, изучаемого психологией.

Объект исследования психологии и смежных с нею наук – это и есть «та сумма психологических свойств и еще нечто помимо суммы психических свойств, обнаруживаемых в повседневном опыте и составляющих нашу личность», как пишет Энрике Вильянуэва [2:11-17]. Психология, особенно практическая психология, изучает проявления человека – носителя и создателя культурных ценностей всей системы реальной жизни. Психология выявляет, как поступает, думает, ориентируется в мире живой человек с его многообразными интересами, ожиданиями, заботами, человек эмоциональный и реагирующий на воздействие ситуации, проявляющий себя через осознаваемые интересы и влечения, рациональный и эмоциональный одновременно, человек, руководствующийся чувством долга, собственного достоинства и все же иногда одержимый страхом, растерянный, чтящий науку и отдающий дань суевериям, способный сосредоточиться и расслабиться, быть собранным и деморализованным.

Награжденные Канеман и Смит показали, что в экономическом поведении участников рынка действуют эмоции, волевые и эгоистические импульсы; сознание проявляется как целостная, единая, хорошо организованная самоорганизующаяся система, динамически связующая воедино чувства, волю и разум.

Еще раз подчеркнем, что награжденными исследователями был выявлен и показан человек, включенный в экономические процессы и проявляющий совершенно иные свойства, чем свойства, составляющие традиционного homo economicus, на которого опиралась экономика вплоть до начала XXI века.

В создании такого рода теоретической абстракции сказалась общеевропейская тенденция утверждения в научных исследованиях (как и во всем мировосприятии) рационалистической позиции по отношению к человеку. Классическая наука опиралась на абстракцию «разумного человека», сущность, которого считали необходимым выразить путем редукции, т.е. сведения к неизменяемым постоянным свойствам, проявляющимся в условиях строго закономерного хода истории.

В экономической жизни отказывались видеть преходящие, случайные явления, действующие и проявляемые через совокупность вариативных свойств человека. Как и вся область гуманитарных наук, экономика обедняла человека с его активностью, творческим началом деятельности, рисковала потерять связь с реальностью и утвердиться в своей «бесчеловечности». Это находило оправдание в таком проявлении редукционизма, как сведение высших форм движения к низшим.

При все усиливающемся отрыве общества от природы методологически господствовала вера в «силу абстракций», которые в естествознании сыграли свою положительную роль, обеспечивали триумфальное шествие многих наук в своей опоре на эксперимент. Для гуманитарного знания эксперимент считался принципиально невозможным. Именно эта «презумпция принципиальной неуместности эксперимента в общественных науках», как подчеркивают авторы рассматриваемой здесь статьи, сдерживала ход экономической мысли. Нобелевская премия явилась официальным признанием и в научном сообществе, и во всем современном мире того, что абстракция «экономический человек» неэффективна для постижения сложнейших процессов в сфере экономики новых наукоемких отраслей современного жизнепроявления. Признанием того, что уровень развития экономических и психологических знаний не просто обеспечивает корректировку понятий и уточнение концептов. Он обеспечивает кардинальную смену модели изучаемого объекта.

Изложенное подводит к выводу о том, что рассматриваемая ситуация с ее главным событием – результативным сопряжением столь роднящихся наук как экономика и психология, а также теоретический и экспериментальный уровень сегодняшних научных исследований возвращает социальному знанию человекомерность; укрепляет намечающийся мост объединения естественного и гуманитарного знания, способствует отходу от того классического рационализма, который уже давно в своей односторонности подвергнут критике за абсолютизацию логики и мышления.

Сбывшееся пророчество. В раскрытой здесь ситуации выхода экономической науки на уровень человекомерного звучания остаётся ещё раз подчеркнуть, что на пути к открытию, отмеченному высшей премией мира, в экономической теории оказалась задействована не категория экономический человек, а целостный, полноценный гносеологический образ индивида, органично включенного в экономическую среду и активно действующего в ней. Действующего «не вопреки тому, что ему свойственно всё человеческое, а именно по этой причине» [3: 193], т.е. действующего с проявлением всех психологических свойств человека. Важным условием обретения экономическими процессами человекомерности при этом явилось приложение достижений практической психологии в области разработок лабораторных исследований поведения человека.

Ну, как тут не обратиться к прозорливому предсказанию лауреата Нобелевской премии Василия Леонтьева, которое он сделал более полувека назад в статье о развитии отдельных наук и их участии в междисциплинарном сотрудничестве. (The Journal of Philosophy, 1948. Nov Yol. XLX. № 23). Всемирно известный экономист выразил уверенность, что «в

некоторых случаях далее незначительный прогресс может превратить науку, которая раньше практически не привлекалась для анализа определённой ситуации, в самый важный, может быть, единственный элемент наиболее эффективной схемы объяснения» [4:35].

В. Леонтьев вел речь именно об экономической науке, к исследованию объектов которой предстояло подобрать экспериментально – практический аппарат другой науки, до сих пор не имеющий приложения за пределами своего предметного поля. Им были названы некоторые науки, в том числе и психология, но особенно подчеркнуто, что ни одна из этих наук, ни сама экономика в принципе не в состоянии дать самостоятельно единственно правильное описание экономических процессов.

Практическая психология сегодня, представляет науку, «пересечение» с которой для социальных наук практически исключалось. Её методы лабораторных исследований оценивались как несовместимые с классическими представлениями экономической теории, отвергающей экспериментальный подход к экономическому процессу, равно как и к историческому процессу в целом. Случалось нередко, что при обращении к психологическим свойствам, личным качествам исследуемого субъекта исследователей клеймили за «психологизм» и субъективизм. Так, Томаса Куна, создавшего первую модель развития науки, обвинили в иррационализме и субъективизме, упрекали за то, что он выбор теории отдаёт «на прихоть психологии». Он, в свою очередь, задавал недоуменный вопрос: «Как философы науки могли так долго пренебрегать субъективными началами, которые, они это легко принимали, регулярно участвуют в выборе теории, совершаемом отдельными учеными. Почему эти начала казались им признаками исключительно человеческой слабости, а не природы научного знания?» [5: 62-66].

Сегодня мы видим, что пророчество Леонтьева сбылось в полной мере. Психология - именно та наука, судьбу которой мысленно наметил Василий Леонтьев. Она стала, как он и полагал, средством объяснения феномена экономических процессов, их человеческого измерения. Две разные науки, каждая в своем ракурсе изучающая две разные сущности – абстракции экономического субъекта и психологически многообразно и многосторонне проявляющего себя индивида – вступили в успешное взаимодействие на одном объекте - на человеке рынка.

Сопряжение это оказалось плодотворным. Презумпция Леонтьева подтвердилась получением наиболее эффективной схемы объяснения. В экономической науке (и это верно отметили авторы цитируемой выше статьи) свершилась смена кардинальной модели изучаемого объекта. В этой ситуации психология из науки, которая ранее «практически не привлекалась», превратилась «в

самый важный, может быть, единственный элемент» родившейся схемы объяснения.

В наличии оказались и необходимые условия предвидимой Леонтьевым ситуации: и природа исследуемого объекта, и уровень развития привлекаемых наук. Кроме выхода на новый уровень самой экономической теории, ситуацию составили разработанные Э. Каниманом в психологии методы лабораторных исследований реального поведения деятельных субъектов. Именно эти методы легли в основу осуществленного В.Смитом эмпирического анализа экономики. Можно отметить, что в известном смысле практическая психология просто не могла не стать этим необходимым и важным элементом объяснения процессов экономической системы, да, возможно, в скором времени и всего общеисторического процесса. В этом проявилось все усложняющееся и убыстряющееся развитие самоорганизующихся систем социума. Экономический, финансовый и информационный рынки, как и все новые наукоёмкие области жизнедеятельности людей, не могут быть объяснены и поняты без многогранной объёмной модели представителя феномена ноосферы – активного, творческого, эмоционального человека.

Методологическая рефлексия над ситуацией. В статье В. Леонтьева, включающей его пророчества, он сам подчеркивает общеметодологический уровень взятой темы – сотрудничество отдельных наук на пути к междисциплинарным исследованиям. Рассматривает возможность интерпретации процессов рынка усилиями экономической теории во взаимодействии с теориями ряда других наук. Такая постановка вопроса вытекает из его уверенности в невозможности языком одной науки достичь полноты отображаемого объекта. Это утверждение на многие десятилетия опередило учение семиотической школы Лотмана Ю.М. о когнитивном потенциале двуязычного описания предметного поля науки, о неизбежном пересечении этих языков на объектах науки [6: 14-17]. Анализ показывает, что при подобного рода пересечении именно в зону силового напряжения, образуемую противостоянием двух теорий с их различием языков и способов анализа объекта, из непересеченных их зон переносится информация, которая и служит образованию нового смысла в описании объектов [7: 100].

Инновационный вклад Леонтьева в общую методологию науки составляет предложенный им новый подход к принципу плюрализма как инструмента изучения любого деятельностного процесса. Критикуя практикуемый мнимый плюрализм за методологическую эклектичность, Леонтьев доказывает, что в состоянии развития наук без взаимодействия между собою и наличия у каждой из них своего аналитического аппарата сведение их усилия для подлинного взаимодействия в междисциплинарном комплексном исследовании возможно только одним путём. Такой путь он

предлагает как «Метод систематического исключения невозможных последовательностей». При этом, подчеркивает он, последовательно осуществляется сравнение аналитических возможностей всех дисциплин в сопряжении с экономической теорией, интерпретацию объектов которой стремятся обеспечить наилучшим образом, выбирая оптимальный вариант. [См. об этом подробно: 4:27-46]. Такой путь отвергает плюрализм до того момента, когда, как полагал Леонтьев, будет найдена совершенная формула сведения наук друг к другу на пути к целостной науке будущего.

Вернёмся к вопросу о том, почему же исследователи умалчивали о психологических свойствах исследуемых субъектов деятельности, хотя не могли не видеть их повсеместного проявления и влияния на социальные процессы. Следует, прежде всего, отметить, что в истории науки ситуации такого рода нередки. Наука подавляет фундаментальные новшества потому, что они либо разрушают старые установки, либо представляют собой труднореализуемые идеализации, и ученые предпочитают их отклонять. В научной практике утвердился довольно расхожий приём, называемый *cetens paribus* (лат. – при прочих равных условиях).

Философ И.Лакатос описывает исследования, при которых в случае конфликта между хорошо подготовленной теорией и какими-то, неподдающимися объяснению результатами эксперимента исследователи признают эти результаты «как бы не имевшими место», т.е. опускают их, не берут в расчет, объявляют *cetens paribus* [8:40-47]. В подобных ситуациях исследователь отдаёт предпочтение интересной для него проблеме, а описание и оценка результатов эксперимента содержит всегда интенциональность, определяемую заинтересованностью, осведомлённостью и другими побудителями – мотивами исследователя.

Подчеркнём, что всё это отнюдь не означает категорического запрета *ceteris paribus*, не исключает права на подобную оценку каких либо фактов, играющих действительно мало существенную роль в исследуемых процессах. Однако И. Пригожий, например, имел основание видеть *ceteris paribus* некоторого рода идеологический запрет. Исследовав трехсотлетнюю историю классической физики, он обнаружил, что значительные фундаментальные открытия, несогласуемые с традиционной теорией, исследователями просто замалчивались. Эти открытия обозначались контрадикторными понятиями (с частицей не-) и рассмотрению не подлежали. Известен пример обычного маятника с произвольной амплитудой и двумя положениями – верхним и нижним. Стабильное нижнее положение маятника изучалось традиционным образом, а верхнее нестабильное неустойчивое положение просто оставлялось без внимания, ибо даже этот простой случай вёл к нежелательному эффекту – к

обнаружению непредсказуемости объекта [9: 47-52].

Модели традиционной физики были упрощенными, воплощались на неполном языковом материале, но наука продолжала свой триумфальный путь. Это, как объяснял Эйнштейн, было связано с тем, что физика довольствовалась изображением и изучением наиболее простых явлений. Однако сегодня с приходом в физику сложных объектов – систем (диссипативные среды, квантово-механические поля) модели, исследовательские приемы и усеченный язык классической физики оказались неэффективны. Тот понятийный аппарат традиционной теории, что был ее *ceteris paribus* (понятие неравновесность, нестабильность, необратимость, нелинейность, неупорядоченность и др.) составил дуально сочетаемый корпус нового физического знания. Так состоялась **легитимация** «негативных» понятий, вошедших в язык нового мышления [10: 80-82].

Этот пространственный экскурс в методологию и философию науки позволяет дать соответствующую оценку новому качественному состоянию, какое обрела в настоящее время практическая психология. Через экстраполяцию метода, как отмечает методология, возможна трансформация самих научных теорий за счет расширения сферы их применения, увеличения разнообразия предметного поля и углубления раскрываемых сущностей [11: 108-114]. Выход практической психологии на процессы деятельности экономических субъектов обеспечивает активизацию всех указанных моментов и их экспериментальным применением не только

совершенствует эмпирический анализ экономики и её теорию, но, вместе с тем, создает условия для обогащения теоретической базы практической психологии, для постижения сущностей второго и третьего порядка её расширяющегося объекта – действующего во всех сферах человека. Выделение этой ситуации на уровне Нобелевской премии – это оценка того значительного вклада, осуществленного психолого-экономическим знанием на пути преодоления многовековой традиции, которая абсолютизировала различия между естествознанием и обществознанием.

Процессы экстраполяции метода с необходимостью ведут к трансформации самого метода, к изменению приемов, правил подхода, а порой и к кардинальной смене изучаемого объекта [11: 109]. Метод психологических исследований, тестирований, касающихся преобразований экономических структур, а также методы исследования влияния человеческой субъективности и индивидуальности обретают сегодня новые эвристические возможности. Предметная методология практической психологии получает тем самым широкое поле изучения всего механизма действия субъектов в реальных самоорганизующихся системах общества. Легитимация превратила практическую психологию в действительно когнитивное потенциальное средство изучения психических свойств творчески активного человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филатова А.Н., Алексеев С.А. Отклик на событие, (абстрагирование сущности и его пределы). // Философское наследие и современность. — М.: МГТУ, вып. IV, – ч.2, – 2003. – С. 30-36.
2. Энрике Вильянуэва. Что такое психологические свойства? Метафизика психологии. – М.: Идея-Пресс, 2006.
3. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс; 1975.
4. Леонтьев В. К вопросу о плюралистической интерпретации истории и проблеме междисциплинарного сотрудничества. // Экономические эссе. – М.: Политиздат, 1990, – С. 27-36.
5. Кун Т. Объективные ценностные суждения и выбор теории. // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей запада. Хрестоматия. – М.: Логос, 1966, С. 61-82.
6. Лотман Ю.М. Культура и взрыв.

Подано до редакції 15.03.07

РЕЗЮМЕ

Мета публікації – привернути увагу до такого феномена інтеграції науки як екстраполяція методу лабораторних досліджень реальної поведінки учасників

//Семиосфера. Статті, дослідження, заметки. – СПб.: Искусство СПб, 2001, – С. 10-148.

7. Дмитриева М.С. Развивающаяся наука в синергетическом измерении. // Синергетика в науке и наука языком синергетики. – Одесса: Астропринт, 2005, – С. 98-113.

8. Лакатос Н. Фальсификация и методология исследовательских программ. //Методология исследовательских программ. – М.: 2003, – С. 5-255.

9. Пригожий И. Философия нестабильности. // Вопросы философии. – 1991, – №6, – С.47-52.

10. Дмитриева М.С. Через легитимацию к дуальности понятий. // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений ГУ Российского философского конгресса. – М.: Современные тетради, 2005, – Т.1. – С. 81-82.

11. Дмитриева М.С. Об экстраполяции метода и развитии теории. // Проблемы методологии и логики науки. Ученые записки ТГУ, Томск, 1975, – №90, – вып. 8, – С. 107-115.

ринкових процесів в ролі засобу емпіричного аналізу економічної науки; розкрити методологічне значення ситуації, показати її наслідки та завдання практичної

SUMMARY

The article aims at attracting attention to such scientific phenomenon as extrapolation of the method of laboratory research of real conduct of participants of market processes as a means of empiric analysis of economic science; at exposing methodological meaning of situation; at showing its consequences and tasks of practical psychology.
